

Моисеев Евгений Александрович

**ТИП ЛИЦЕМЕРА В ВЫСОКИХ КОМЕДИЯХ Ж.-Б. МОЛЬЕРА И КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА
"ГОРЕ ОТ УМА"**

В статье предпринимается попытка изучения преломления образа лицемера в Высоких комедиях Ж.-Б. Мольера и в комедии А. С. Грибоедова "Горе от ума". На основе результатов исследования автор статьи определяет и интерпретирует характерные черты типа лицемера в названных произведениях. При этом учитываются как особенности художественного метода писателей, так и специфика развития общества во Франции и России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 136-140. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Воробьев Г. А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка (Поиск эффективных путей) // Иностранные языки в школе. 2003. № 2. С. 30-35.
2. Мирзоева Е. Ю. Реализация принципа коммуникативности в обучении английскому произношению на языковых факультетах педагогических вузов (на примере вокализма): дисс. ... к. пед. н. М., 2009. 210 с.
3. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта; Наука, 2004. 181 с.

PHONO-CULTUREME AS OBJECT OF TEACHING FOREIGN PRONUNCIATION

Mirzoeva Elena Yur'evna, Ph. D. in Pedagogy
Sholokhov Moscow State University for the Humanities (Branch) in Anapa
anapa_g@inbox.ru

The issue on the necessity of linguistic-cultural component use in teaching foreign pronunciation is emphasized in the article. The author introduces the notion "phono-cultureme" for designating a new unit of teaching foreign phonetics having social-cultural informativity. Possible methods of working with phono-culturemes of different categories at three stages of a phonetic skill formation are suggested.

Key words and phrases: social-cultural competence; principle of social-cultural orientation of teaching foreign pronunciation; linguo-cultureme; phono-cultureme; phonetic skill formation.

УДК 8; 82

Филологические науки

В статье предпринимается попытка изучения преломления образа лицемера в Высоких комедиях Ж.-Б. Мольера и в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». На основе результатов исследования автор статьи определяет и интерпретирует характерные черты типа лицемера в названных произведениях. При этом учитываются как особенности художественного метода писателей, так и специфика развития общества во Франции и России.

Ключевые слова и фразы: Высокие комедии Ж.-Б. Мольера; А. С. Грибоедов; тип лицемера; взаимосвязь литератур; Гарпагон; Тартюф; Молчалин.

Моисеев Евгений Александрович

Владимирский государственный университет
raul1987@yandex.ru

**ТИП ЛИЦЕМЕРА В ВЫСОКИХ КОМЕДИЯХ Ж.-Б. МОЛЬЕРА
И КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»[©]**

«Лицемерие – поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью» [4, с. 329].

Диккенс, Мопассан, Салтыков-Щедрин, Де Вега... В каждой национальной литературе существует образ лицемера, ханжи, хамелеона. Проблема лицемерия является одной из ключевых на протяжении развития общества, и с каждым веком она не теряет своей актуальности в художественной литературе.

Предметом исследования настоящей статьи являются некоторые Высокие комедии Ж.-Б. Мольера и комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», на примере которых мы предпримем попытку разбора того, как проблема лицемерия преломлялась в творчестве этих великих драматургов.

В XVII веке, в начале так называемого Нового времени лицемерие обозначилось как одно из главных зол эпохи. Оно часто соединяется с разного рода мошенничеством как условие и средство достижения корыстолюбивых целей.

Одним из ключевых предметов наблюдения французского классика является общество, осознанно находящееся на пути лицемерия и корыстолюбия. Один из современных исследователей творчества Ж.-Б. Мольера В. В. Тимохин справедливо отмечает: «Хотя персонажи комедий разные, но все они вынужденно —приходят» к тактике лицемерия» [6, с. 23]. Для зрителя/читателя лицемерие, по сути, – черта, разделяющая образы на симпатичные и несимпатичные, но очень важным видится уточнение ситуации: как функционирует обман в обществе и как он находит свое распространение?

Ж.-Б. Мольер в своем творчестве показывает читателю, что в каждой «ячейке» общества находится по лицемеру, который занимает ведущую позицию. Это сформировавшийся лицемер Гарпагон – король

лицемеров («Скупой»), формирующийся лицемер Тартюф, сложившийся лицемер Оронт («Мизантроп»), вынужденный лицемер Валер («Скупой») и пр.

Анализируя комедию «Скупой» [3], мы подчеркиваем: Мольер показывает, что общество продолжает быть устроено традиционно – на феодально-патриархальной основе. И это, несмотря на новые тенденции, новые профессии, формирующиеся во Франции второй половине XVII века. Масштабное ростовщичество, представителем которого является Гарпагон, – явление относительно новое, однако его семья живет по старому укладу, он предпочитает устраивать отношения традиционно, потому что это ему выгодно. Лицемерие для главы семьи – уже не столько хитрость, сколько образ мыслей. Если не найдут его украденные деньги, то общество не сможет защитить главные ценности. Выяснив, что должник в его руках, и он может его грабить и «душить» как ему заблагорассудится, Гарпагон рассуждает о необходимости помогать ближнему. Присутствующий мэтр Симон соглашается, но не потому, что не хочет перечить, а потому, что видит в этом общественное установление.

Molière. «L'Avare». Acte II, scene 2	Ж.-Б. Мольер. «Скупой». Действие 2, явление 2
<p>Harpaçon. Mais croyez-vous, maître Simon, qu'il n'y ait rien à péricliter? Et savez-vous le nom, les biens et la famille de celui pour qui vous parlez?</p> <p>Maître Simon. Non. Je ne puis pas bien vous en instruire à fond; et ce n'est que par aventure que l'on m'a adressé à lui; mais vous serez de toutes choses éclairci par lui-même, et son homme m'a assuré que vous serez content quand vous le connaîtrez. Tout ce que je saurais vous dire, c'est que sa famille est fort riche, qu'il n'a plus de mère déjà, et qu'il s'obligera, si vous voulez, que son père mourra avant qu'il soit huit mois.</p> <p>Harpaçon. C'est quelque chose que cela. La charité, maître Simon, nous oblige à faire plaisir aux personnes, lorsque nous le pouvons.</p> <p>Maître Simon. Cela s'entend [7].</p>	<p>Гарпагон. (Здесь и далее – перевод Е. А. Моисеева) Мэтр Симон, а вы уверены, что в этом деле для меня нет риска? Вы узнали имя, материальные средства и фамилию того, относительно интересов которого вы говорите?</p> <p>Симон. К сожалению, не могу вас осведомить. Мне на него указали случайно. Но при свидании он все это сообщит вам. Его слуга уверил меня, что вы останетесь довольны таким должником. Он сказал, что отец его хозяина – богач; матери уже нет в живых, да и отец недолго заживется – больше восьми месяцев не протянет. Если вам угодно, заемщик в этом готов дать подписку.</p> <p>Гарпагон. Ну, это уже что-то. Милосердие нас обязывает, мэтр Симон, надо помочь ближнему по мере сил.</p> <p>Симон. Разумеется.</p>

За указанным мэтром Симоном обязательством заемщика кроется преступление. Недаром любимое слово Гарпагона – «висельник».

Гарпагон делает первый шаг к тому, чтобы относиться к человеку потребительски. Гарпагон, если вдуматься, знает, что он лицемер, и подобное отношение к обществу стало для него обыденным делом. Показанное в комедии «Скупой» лицемерное пустословие становится важной частью самого лицемерия, утверждая его права в обществе. Синтез лицемерия и принятых нравственных норм становится типичной чертой общества и, соответственно, одной из сатирических тем Мольера. Однако столь очевидная злободневная тема не могла быть выдвинута Мольером «на первый план», ввиду того что его творчество и так подвергалось жестокой критике. Проблема отодвигается Мольером как бы в «тень», но, тем не менее, может быть отчетливо замечена внимательным читателем.

Следует отметить, что лицемерие не является в комедиях французского драматурга обязательно характеристикой отрицательного персонажа, ведь, ссылаясь на слова Дон Жуана («Дон Жуан или каменное пиршество» [3]), порок становится модным в современном обществе.

Почему порок «модный», а не распространенный? Один из ракурсов проблемы – это попытка защититься от лицемерия самим лицемерием. Это чрезвычайно важная в историко-философском плане проблема. Можно ли порок использовать в добрых целях, в творении добра, в защите Добра от Зла? Возможно ли это в принципе? Вот что было важно для Мольера. Вот какой вопрос поставило развитие общества с рационализмом, цинизмом, нигилизмом, мотовством и прочим.

Теоретическую базу лицемерия подводит Валер («Скупой» [Там же]). В этой комедии отчетливо видно, как на лицемерие попадет любой лицемер, и с ним, вследствие этого, можно сделать что угодно. Но жизнь показывает, что в этом плане Валер ни в чем не преуспел. Валер считает, что он угодничает и лицемерит со своим расчетом. Добьется своего и при этом будет любезен хозяину. «Валер добивается доверия Гарпагона, но при этом вынужден подсказывать ему действия, противоречащие собственным интересам. Все, чего он добивается, – оставаться в доме и ждать удачи. В словах Валера много иронии, порой скрытой, а порой и достаточно явной. Можно полагать, что ироничный тон Валера – попытка высказать собственное мнение, делая вид, что во всем соглашаешься. <...> Гарпагон иронии не замечает. Порочный человек хочет, чтобы с ним формально соглашались и этим поддерживали его действия. Таким образом, ирония адресована зрителю. Валер вынужденно придумывает теорию лицемерия как защиты от порока» [6, с. 24].

Molière. «L'Avare». Acte I, scene I	Ж.-Б. Мольер. «Скупой». Действие 1, явление 1
<p>Élise. <...> Et songez seulement à vous bien mettre dans l'esprit de mon père.</p> <p>Valère. Vous voyez comme je m'y prends, et les adroites complaisances qu'il m'a fallu mettre en usage pour m'introduire à son service; sous quel masque de sympathie et de rapports de sentiments je me déguise pour lui plaire, et quel personnage je joue tous les jours avec lui, afin d'acquérir sa tendresse. J'y fais des progrès admirables; et j'éprouve que, pour gagner les hommes, il n'est point de meilleure voie que de se parer à leurs yeux de leurs inclinations, que de donner dans leurs maximes, encenser leurs défauts, et applaudir à ce qu'ils font. On n'a que faire d'avoir peur de trop charger la complaisance; et la manière dont on les joue a beau être visible, les plus fins toujours sont de grandes dupes du côté de la flatterie, et il n'y a rien de si impertinent et de si ridicule qu'on ne fasse avaler, lorsqu'on l'assaisonne en louanges. La sincérité souffre un peu au métier que je fais ; mais, quand on a besoin des hommes, il faut bien s'ajuster à eux, et puisqu'on ne saurait les gagner que par là, ce n'est pas la faute de ceux qui flattent, mais de ceux qui veulent être flattés [7].</p>	<p>Элиза. <...> Лучше постарайтесь внедрить себя в сознание моего отца.</p> <p>Валер. Да я стараюсь; вы видите, как я стараюсь, на какие уловки я пустился, чтобы проникнуть к его услужению, какую маску я ношу, чтобы ему понравиться, какую роль играю ежедневно, чтоб заслужить его расположение! Зато мне удалось достигнуть поразительных успехов, и я узнал на опыте, где самый верный путь к благоволению людей. Притворно разделяй все вкусы их и склонности, житейские их правила, восхваляй их недостатки, восторгайся всеми их словами и поступками. Не бойся пересолить в угодничестве. Даже если оно бросается в глаза, как грубая игра, лестью одурачишь первейшего разумника, и он проглотит любую наглую, смешную выдумку, стоит лишь ее приправить похвалами. Конечно, при таких поведенческих потерях искренность в моей профессии, да что поделаешь? Хочешь или не хочешь, а принаравливайся к нужным людям. И если невозможно без лести войти к ним в милость, виноват не тот, кто льстит, а тот, кто любит лести.</p>

Учится лицемерию и молодой Клеант («Скупой» [3]), который не находит никаких методов борьбы со скупостью и лицемерием Гарпагона, кроме самого лицемерия.

Molière. «L'Avare». Acte II, scene I	Ж.-Б. Мольер. «Скупой». Действие 2, явление 1
<p>La Flèche. Mais par quelle raison lui faire un mystère de votre amour?</p> <p>Cléante. Pour lui donner moins de soupçon, et me conserver, au besoin, des ouvertures plus aisées pour détourner ce mariage <...> [7].</p>	<p>Лафлеш. Но, по какой причине делать для него тайну из вашей любви?</p> <p>Клеант. Для того чтобы давать менее подозрения, чтобы действовать свободно и в случае чего расстроить этот брак <...>.</p>

Лицемерят «прожженная» циничная Фрозина, слуга Жак, который пытается говорить правду, но вынуждаем к лицемерию и соглашательству с Гарпагоном и пр. От лицемерия нет никакой пользы, но от отчаянья все готовы стать «артистами», актерами.

Из всего вышеприведенного напрашивается вывод, что лицемерие постепенно трансформируется, часто прямо переходит в угодничество, которое Мольеру видится как приложение к чистому лицемерию (продолжением лицемерия). В исканиях Валера трудно провести черту между лицемерием (как хитростью) и угодничеством, добровольность «актерства» и превращает этот порок в «модный».

Тема сопоставления творчества Ж.-Б. Мольера с комедией А. С. Грибоедова «Горе от ума» часто являлась предметом научного обсуждения в отечественном литературоведении. Однако ни один из исследователей не обратил внимания на такой аспект сопоставления, как отражение проблемы лицемерия Ж.-Б. Мольером в своем творчестве и ее преломление в комедии отечественного драматурга. Поэтому видится актуальным попытаться дополнить и продолжить идею, начатую А. Н. Веселовским более века тому назад [1].

В комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедов не обходит стороной проблему лицемерия.

Прислужничество, смешанное с шутовством, видится одним из главных персонажей пьесы, Фамусовым, как наиболее успешный путь к карьере, путь главный и почти единственный, что мы можем наблюдать почти в каждом его диалоге.

Ко времени написания комедии Грибоедова общество, несомненно, постоянно развивалось, но до сих пор зиждилось на феодально-патриархальной основе. Вместе с тем, имела и традиционная специфика общественного развития. Лицемерие уже не перерастает в угодничество, как начинал обрисовывать Ж.-Б. Мольер, а уже переросло, полностью трансформировалось. Можно только проследить «путь» этой метаморфозы в рассуждениях Фамусова о службе. Основа тактики поведения Фамусова, по его же рассказу, – лицемерие, но практически оно реализуется угодничеством:

Действие 2, явление 2.

Фамусов.

Вот то-то, все вы гордецы!

Спросили бы, как делали отцы?

Учились бы на старших глядя:

Мы, например, или покойник дядя,

Максим Петрович: он не то на серебре,

На золоте едал; сто человек к услугам;

Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;

Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине
А в те поры все важны! В сорок пуд...
Раскланяйся – тупеем не кивнут.
Вельможа в случае – тем паче,
Не как другой и пил, и ел иначе.
А дядя! Что твой князь? Что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо прислужиться,
И он сгибался в перегиб <...> [2, с. 31-32].

Фамусов не скрывает, что обучался искусству придворной службы. А вот характер этого обучения особенно отчетливо виден в сопоставлении с обучением Оргона и госпожи Пернель («Тартюф» [3]): они учатся у лицемера и лицемерию. Вся причина – в господстве в обществе лицемерия. Оно господствует как в России, так и во Франции, но в каждой стране имеет свои особенные черты.

Частью лицемерия становится также поучительная риторика со стороны лицемеров: Тартюфа, Молчалина, Гарпагона, Фамусова и других. Как может лицемер поучать? Оказывается, может: жизнь Фамусова немислима без поучительных наставлений, потому что в них он самоутверждается. Помимо этого, самоутверждаются и строй мыслей, и образ жизни, в котором воспитался и вырос Фамусов. Вне среды он не может существовать. Не может и существовать строй вне поддержки индивидуумов, таких как Фамусов.

С теоретической базой порока в комедии «Горе от ума» выступает Молчалин: «ведь надобно ж зависеть <...>» [2, с. 69]. Казалось бы, это возврат к крепостничеству, похожий на следы исконного рабства, однако все не так однолинейно. Именно Молчалин – главный лицемер в комедии, потому что у него свой расчет.

Все персонажи комедии А. С. Грибоедова – актёры с четко занятыми позициями, достаточно прозрачными, иначе угодничество будет не столь любезно. У лицемера всегда имеется некоторая цель, к которой он стремится и использует лицемерие в качестве средства к достижению этой цели.

Лицемерят практически все персонажи и комедий Мольера. Как с точки зрения черт характера, так и с точки зрения поведения, все они имеют что-то ещё; кроме лицемерия каждый персонаж имеет еще и другие черты, однако любое амплуа и любой тип несет в себе частичку лицемерия. Исключением является образ Тартюфа и Молчалина. Тартюф – воплощенное лицемерие, а сама комедия полностью раскрывает природу этого порока. Имя Тартюф становится нарицательным. И даже его слова и поступки в отношении Эльмиры оказываются лицемерными. Когда Тартюфа обличают, он старается всё отрицать, что по канонам классицизма является предательством и обманом. Чувство к Эльмире оказывается ложным.

Тартюф – один из ключевых персонажей во всем творчестве француза. Лицемерие для Тартюфа не просто доминирующая черта характера, оно и есть сам характер. Создавая этот образ, комедиограф хотел показать обществу, какую опасность несут собой такие люди. Грибоедов, реализовав своего Тартюфа в образе Молчалина, показывает читателю, как спустя несколько столетий такие люди научились приспосабливаться к тому обществу, в котором находятся.

В данном случае важно то, что общими для указанных персонажей являются «умеренность и аккуратность». Однако для Тартюфа важнее расчётливость, обоснованность своих речей. Именно в монологах он и умерен, а в остальном склонен позволять себе излишества. Для образа Молчалина характерно лицемерное сочетание умеренности и аккуратности не только в своих речах, но и в поступках. У Грибоедова это сформулировано следующим образом:

Действие 3, явление 3.

Чацкий.

Взманили почести и знатность?

Молчалин.

Нет-с, свой талант у всех.

Чацкий.

У вас?

Молчалин.

Два-с: Умеренность и аккуратность [Там же, с. 66].

У Мольера же эта черта показана в большей степени: Тартюф славится своею скромностью. У Ж.-Б. Мольера мы видим «добровольность» в результате ослепленности, а у А. С. Грибоедова – недостаточное внимание к опасному домочадцу. Это пренебрежение к осторожности и недостаточное внимание к качеству службы и ведет к большим неприятностям. Фамусов называет своего секретаря деловым, однако читатель видит нечто противоположное. Точно так же в комедии Мольера многие не замечают притворной деловитости Тартюфа.

Обрисовка образов Молчалина и Тартюфа выходит за рамки классицизма: они рисуются многогранно и многоаспектно. Молчалин, соответствуя своей «говорящей фамилии», молчит с более «старшими». От него обычно слышат только то, что от него ожидают услышать: «В мои лета не должно сметь свои суждения иметь» [Там же, с. 69].

Слова Молчалина не раскрывают ни его планов, ни мировоззрения. Тартюф же, наоборот, много говорит, но не то, что есть на самом деле, а постоянную ложь. И то и другое – лицемерие, хитрость (психологическая суть одинакова, хотя образы во многом различны).

Одна из целей Грибоедова – своей комедией показать опасность российских «тартюфов», первым из которых А. С. Пушкин назвал Екатерину II – «Тартюфа в юбке и короне» [5]. А. С. Грибоедов увидел одну из самых важных и тревожных антропологических перспектив российского общества – эгоизм, равнодушие, молчание, оторванность от подлинно общественных интересов. Беда в том, что в фамусовской России очень многие молчат, и это становится правилом. Порок лицемерия в начале XIX века уже не модный, а распространенный, что отчетливо воплощено в образах гостей фамусовского дома (Скалозуб, Репетилов, Загорецкий и пр.). Можно сделать вывод, что порок уже и не осознается таковым.

Итак, сопоставление образов лицемера у Мольера и Грибоедова позволило выявить много сходных черт. При этом ни проблемы, ни идеи, ни образы не просто переносятся из одного произведения в другое, не просто наследуются как дань литературной традиции. Близкие, сходные вопросы ставит сама жизнь и историческое развитие, имеющее свои закономерности и общие антропологические корни.

Список литературы

1. **Веселовский А. Н.** Альцест и Чацкий // Мольер Ж.-Б. М.: АСТ, 1997. 766 с.
2. **Грибоедов А. С.** Горе от ума. М.: ГИХЛ, 1957. 128 с.
3. **Мольер Ж.-Б.** Избранное / пер. с фр.; вступ. ст. О. Тимашевой. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 512 с.
4. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
5. **Пушкин А. С.** Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 11. Критика и публицистика. 1819-1834. 1949.
6. **Тимохин В. В.** Поэтика комедии Мольера «Скупой». Связь комедии с литературой античной и Нового времени. М., 2003. 305 с.
7. <http://theresecorthay.ch/library/moliere/l-avare/> (дата обращения: 07.12.13).

THE TYPE OF HYPOCRITE IN THE HIGH COMEDIES OF J. B. MOLIÈRE AND THE COMEDY OF A. S. GRIBOYEDOV “Woe FROM WIT”

Moiseev Evgenii Aleksandrovich

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
raul1987@yandex.ru

The article tries to investigate the representation of the problem of hypocrisy in the high comedies of J. B. Molière and in the comedy of A. S. Gribojedov “Woe From Wit”. Summarizing the results of the research the author identifies the typical features of hypocrite in the mentioned works. Describing the typical characteristics, the author takes into consideration both the peculiarities of writers’ artistic method and specifics of society development in France and Russia.

Key words and phrases: high comedies of J. B. Molière; A. S. Gribojedov; type of hypocrite; interaction of literatures; Harpagon; Tartuffe; Molchalin.

УДК 8; 811.161.1

Филологические науки

*Статья рассматривает мотивацию обозначения кражи в русском языке по месту ее совершения. Исследование данной модели представляется важным для анализа всего лексико-семантического поля (ЛСП) ‘присвоение чужого’ в русском языке, так как, во-первых, она связана с праславянским именованием человека по месту его обитания, а во-вторых, исключительно в рамках данной модели формируется большинство *poter agentis* всего поля.*

Ключевые слова и фразы: лексико-семантическое поле; мотивационная модель; история русской лексики; местообитание; биотоп; присвоение чужого; красть; вор.

Муратов Юрий Михайлович

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
georgemoor@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О МЕСТЕ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ[©]

Наименование человека по местообитанию являлось одной из его ключевых номинаций в истории славянской культуры, начиная со времени расселения древних славянских племен с их традиционными названиями.